

В БОЙ ЗА УГОЛЬ

ОРГАН КИСЕЛЕВСКОГО ГОРКОМА ВКП(б), ГОРСОВЕТА, РУДКОМА и Треста „КАГАНОВИЧУГОЛЬ“

Процесс антисоветского троцкистского центра

Продолжение речи государственного обвинителя—прокурора Союза ССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО*)

Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, ликвидацию советского социалистического строя. Социалистический строй—это строй без эксплуатации и эксплуататоров, это строй без купцов и фабрикантов, без нищеты и безработицы, это строй, где хозяином являются рабочие и крестьяне, строй, где уничтожены все эксплуататорские классы, где остался рабочий класс, класс крестьян, интеллигенция.

Троцкисты этим недовольны. Они хотят изменить существующий у нас ныне общественный строй. Они хотят уничтожить рабочий класс, превратившийся благодаря победе социализма в советский новый класс, в рабочий класс СССР, вернуть его в положение, которое он занимал до Октябрьской революции, в положение рабов, закованных в капиталистические цепи. Они хотят вернуть в деревню кулаков и помещиков, утвердить вновь кулацкую власть, восстановить в деревне хозяев, кулаков, отдать крестьян в кулацкую кабалу, лишить наше колхозное крестьянство добытых кровью прав. Троцкисты хотят изменить общественно-политический строй в СССР. Это значит—изменить общественно-политическое положение и роль в нашем государстве рабочих, крестьян и интеллигенции и вернуть их в положение, какое они занимают в старом капиталистическом обществе, бросить их в омут эксплуатации, безработицы, каторжного, беспроектного и тупого труда, вечной нищеты и голода.

Поэтому Зиновьев, Каменев и другие главарь антисоветского объединенного троцкистского блока и скрывали эту программу, упорно отрицая ее наличие. Эту программу скрывали и главарь параллельного центра—Троцкий, Пятаков, Радек, Сокольников и другие.

Стала явной и эта позорная программа антисоветского троцкистского блока.

В 1933 году Л. Троцкий требовал:

- ропуска большей части колхозов как дутых;
- ропуска совхозов, как нерентабельных;
- отказа от политики ликвидации кулачества;

*) Начало см. в № 16 от 2 февраля 1937 г.

г) возврата к концессионной политике и сдаче в концессию целого ряда наших промышленных предприятий, как нерентабельных.

Эта программа не только выражала взгляды, надежды и чаяния троцкистских контрреволюционеров, но, как установлено следствием, служила и основой соглашения троцкистов с иностранными аггессорами, которые зарятся на советскую землю. Ведь следствием установлено, что на основе этой программы Радек, Пятаков и их сообщники вступили и вели переговоры с иностранными аггессорами, с их представителями, ожидая от них военной помощи и обещая им различные экономические и политические выгоды, вплоть до уступки части советской территории. Предатели шли на

ПОРАЖЕНЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА— ПРОВОКАЦИЯ ВОЙНЫ

Троцкистский центр в составе Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова понимал, разумеется, всю безнадежность своих преступных замыслов о свержении советской власти и захвате этой власти в условиях мирного существования нашего Союза, мирного развития СССР. Они понимали, конечно, что внутри нашей страны нет сил, на которые можно было бы рассчитывать, как на действительно реальные силы. Поэтому главарь этого центра основную ставку свою ставили на предстоящую войну, на неизбежность военного нападения на СССР аггессора, на неизбежность завязки войны, на необходимость обеспечить в этой войне победу нашего врага и наше поражение.

Вчера на закрытом судебном заседании Пятаков и Ратайчак дали подробное объяснение, что они сделали для того, чтобы обеспечить

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОВЕРШЕНИЕ ДИВЕРСИЙ И ВРЕДИТЕЛЬСТВА

Радек и Пятаков подтвердили на суде, что в подготовке военного поражения главным методом в руках изменников из „центра“ являлись вредительские мероприятия и диверсии.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним объяснял, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистической пар-

тии соглашения было обязательство:

„... Во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность военного значения... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом“.

Осуществляя взятые на се-

наше поражение в случае возникновения войны в 1937 году.

Именно к 1937 г. было поднято то чудовищное преступление, которое вчера было установлено в закрытом судебном заседании. Именно на 1937 г. ставилась основная ставка на поражение.

„Ускорить столкновение“—спровоцировать войну, подготовить поражение СССР—вот к чему сводилась программа троцкистского „центра“ в области, так сказать, внешней политики.

Это — „программа“ иностранных лазутчиков, агентов иностранных разведок, забирающихся, если это им удастся, в самую гущу рядов противника и пытающихся взрывать ряды противника изнутри. Вот к чему сводилась программа троцкистского центра в части, так сказать, внешней политики.

Осуществляя взятые на се-

бя таким образом обязательство, параллельный или просто антисоветский троцкистский центр на ряде предприятий нашего Союза в действительности организовал, как это установлено следствием, широкую систему вредительских действий и даже диверсий, проводившихся через специально организованные ими диверсионные и вредительские группы. Не только в области нашей промышленности, но также и в области жел.-дор. хозяйства параллельный центр расставлял, в соответствии с этим, своих людей.

Естественно, громадное внимание преступный центр обращал на Кузбасс, в частности на Кемерово. Не случайно именно в Западной Сибири создается достаточно сильный краевой центр в составе испытанных троцкистов: Муралова, Дробниса и Богуславского. Пятаков подтягивает к себе в качестве своих ближайших помощников Ратайчака, Норкина; Муралов и Дробнис опираются на Шестова и Строилова.

На предварительном следствии Пятаков показал:

„Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не расплываться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение“.

Организуя вредительские диверсионные акты, троцкистский антисоветский центр решал по существу одновременно две задачи: одну задачу—подорвать хозяйственную мощь советского государства и обороноспособность нашей страны, другую задачу—вызвать у рабочих, у трудящихся, у населения озлобление против советской власти, натравить народ на советскую власть.

Дробнис сказал:

„Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они, несомненно, вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно“.

Князев говорил, что Лившиц дал ему поручение—

„Подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождался бы большим количеством человеческих жертв“.

Мы знаем, что эти люди не останавливались перед тем, чтобы заведомо лживо, заведомо неправильно сообщать следственным органам о виновниках организован-

ных ими крушений, что они умели свалить вину на совершенно невинных людей, как это было со стрелочницей Чудиновой.

Мы при помощи экспертизы проверили показания самих подсудимых.

Троцкистский центр организовал достаточно широко разветвленные вредительские и диверсионные мероприятия и на железнодорожном транспорте. Мы уже установили, что активную роль в этом кошмарном преступлении, или вернее, в этой сумме кошмарных преступлений играли Лившиц, Турок, Князев и Богуславский. Но и здесь я не могу не выделить Лившица, ибо это уже предел, как мы имели и в случае с Пятаковым, всякого мыслимого преступления. В самом деле, Лившиц был не просто работник железнодорожного транспорта, не просто один из ответственных работников Народного комиссариата путей сообщения.

В отношении Пятакова, бывшего заместителя народного комиссара тяжелой промышленности СССР, в отношении Лившица, бывшего заместителя народного комиссара путей сообщения, и в отношении Сокольников, бывшего заместителя народного комиссара по иностранным делам,—в отношении этих трех лиц, как лиц, облеченных особым доверием, особой государственной ответственностью перед нашей страной,—вопрос об уголовной ответственности должен быть поставлен особо, даже если бы за их плечами не было иных чудовищных преступлений.

Подсудимый Князев по прямому заданию параллельного троцкистского центра организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся значительным количеством человеческих жертв. Было крушение на станции Шумиха, где погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев оказались ранеными, крушение на перегоне Яхино—Усть-Катав, крушение воинских поездов, крушение товарных поездов. Князев организовал их, как это выяснилось, не только по поручению и указанию параллельного троцкистского центра и, в частности, Лившица, но и по прямым заданиям агента одной из иностранных держав,—агента японской разведки господина Х., который действительно был одной из движущих пружин преступной дея-

(Окончание на 2-й стр.)

Процесс антисоветского троцкистского центра

Окончание речи государственного обвинителя—
прокурора Союза ССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

тельности Князева и Турока. Так переплетались интересы троцкистской организации с интересами иностранных разведок. Они не могли не переплетаться потому, что у них была общая политическая задача, общие методы работы и организационная связь, что, в сущности говоря, стирало всякие грани различия троцкистской организации от организации японской или германской разведки. Но, несмотря на вредительские и диверсионные удары, наша промышленность

и наш железнодорожный транспорт все время идут в гору, все больше поднимаются вверх.

Почему же мы имеем такой блестящий рост, такой расцвет нашей промышленности и ж.-д. транспорта? Потому, что на стороне вредителей стоят единицы. Вред, причиняемый этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. Потому, что на стороне советского правительства и строительства социализма стоят миллионы.

ШПИОНАЖ И ТЕРРОР

Материалами предварительного судебного следствия и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Князева, Пушина, Турока, Граше, Шестова, Строилова установлено, что наряду с диверсионно-вредительской деятельностью троцкистский антисоветский центр широко и систематически занимался шпионажем в пользу иностранной разведки. Установление связи японской и германской разведки осуществлялось не в порядке личной инициативы какого-то Турока или Шестова. Эта связь осуществлялась в порядке выполнения директивы Троцкого. Люди, связавшиеся с иностранными германской и японской разведками под руководством Троцкого и Пятакова, своей шпионской работой подготавливали результаты, которые должны были самым тягчайшим образом сказаться на интересах не только нашего государства, но и на интересах целого ряда государств, вместе с нами желающих мира, борющихся вместе с нами за мир.

Обвинительное заключение пред'являет обвинение к членам троцкистского центра и их сообщникам в организации террористических актов. В наших руках имеются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий дважды, по крайней мере, и притом в достаточно откровенной, незавуалированной форме дал установку на террор. Я имею в виду, во-первых, то письмо 1932 г., в котором Троцкий бросил свой предательский позорный клич—„обрать Сталина“, и, во-вторых, я имею в виду

документ, уже относящийся к более позднему времени, — троцкистский „Бюллетень оппозиции“ №№ 36—37, октябрь 1934 г., где мы находим ряд прямых указаний на террор, как метод борьбы с советской властью.

В наших руках есть документы, которые объективно говорят, что террор был предложен Троцким, что он был принят Пятаковым.

Пятаков подготавливает террористический акт через своих украинских представителей против тт. Постышева и Косиора, а в 1935 г. против товарища Сталина. Мы спрашивали об этом Пятакова, мы вызывали Логина для свидетельского допроса, и он это подтвердил. Радек подготавливает террористические кадры в Ленинграде; Закс - Гладнев и другие готовят под руководством Сокольников террористический акт против товарища Сталина; Мдивани, под руководством Серебрякова, готовит террористический акт против товарища Берия, собирает террористов, которых можно было бы стянуть в Москве для того, чтобы обеспечить наиболее успешное осуществление, так называемых, групповых террористических актов. Они же готовят террористический акт против тов. Ежова. Дробнис тоже готовит теракт против тов. Ежова. Муралов готовит акт против тех, кто придет к нему в Сибирь.

Преступления, перечисленные нами в обвинительном заключении, я считаю доказанными полностью, преступники изобличены также полностью.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей

страны, против нашей великой родины!

Я обвиняю членов параллельного антисоветского троцкистского центра—Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: 58—1-а—измена

родине, 58—6 — шпионаж, 58—8—террор, 58—9—диверсия, 58—11 — образование тайных преступных организаций.

Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробниса, Бгуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, т.-е. в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного Кодекса.

Основное обвинение, товарищи судьи, которое в этом процессе пред'является,—это измена родине.

Закон требует при доказанности вины преступников приговорить их к расстрелу, допуская смягчение этого наказания лишь при смягчающих обстоятельствах. Я считаю, что таких смягчающих обстоятельств нет. Я обвиняю преданных суду по указанному в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса в полном объеме.

Я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, на костылях, искалеченные, полуживые, а может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская тов. Ноговицына, которая сегодня обратилась ко мне через „Правду“ и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один. Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений, требующие от меня, как от государственного обвинителя, пред'являть обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания—расстрела, смерти! (Долго не смолкающие аплодисменты всего зала). (ТАСС).

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Утреннее заседание 27 января

Верховный суд вскрывает все новые факты чудовищных преступлений антисоветского троцкистского центра. Допросом каждого нового обвиняемого пополняется черный список их злодеяний против социалистического государства, против народа. С утра допрашивается подсудимый Князев, бывший начальник Южно-Уральской железной дороги, а затем один из руководящих работников центрального аппарата НКПС. Уже первые ответы Князева на вопросы государственного обвинителя показывают отвратительное лицо, не останавливающееся ни перед чем японского шпиона и диверсанта.

Вступив в 1934 году в подпольную троцкистскую организацию, Князев сразу же стал осуществлять смертоносные планы подрывной работы на советском железнодорожном транспорте.

Тов. Вышинский, обращаясь к подсудимому, спрашивает:

— Вы участвовали во вредительской работе?

— Участвовал.

— Участвовали в диверсионной работе?

— Участвовал...

Это участие расшифровывается на суде так: создав вредительскую группу на Южно-Уральской железной дороге, Князев явился организатором крушений и аварий поездов, он всячески разрушал паровозный парк, чтобы сорвать работу уральской металлургии, срывал программу ремонта пути.

Князев подтверждает, что в 1935 году главарь троцкистской вредительской банды на транспорте—Лившиц дал ему директиву—перейти к диверсиям с человеческими жертвами. И вот один эпизод из огромной серии подлых преступлений троцкистского центра. 27 октября 1935 года Князев устроил крушение на станции Шумиха, переведя поезд на занятый путь. Это был воинский поезд.

Вышинский: Сколько убито?

Князев: 29.

Вышинский: Сколько ранено?

Князев: 29...

На вопрос государственного обвинителя, сколько было тяжело раненых, Князев ответить точно не может, так как, оказывается, он этим даже не интересовался, хотя приехал на место катастрофы производить „расследование“. Между тем, примерно, 15 человек тяжело пострадали, у некоторых сломаны руки, у других ноги...

Вышинский: И это по милости вашей и ваших соучастников?

Князев: Да, моей и по милости контрреволюционной организации...

Князев признается в своих тесных связях с японской разведкой, которой он передавал шпионские сведения о состоянии железных дорог, главным образом, на Востоке Союза. Подсудимый встречался с официальным японским лицом господином Х..., который давал ему поручения готовить кадры к моменту военного столкновения между СССР и Японией для того, чтобы поджигать воинские склады, пункты снабжения воинских поездов и тому подобное. И, наконец, Князев подтверждает, что он принял чудовищное задание—готовить на случай войны отравление воинских поездов остро-заразными бактериями.

После перерыва суд переходит к допросу подсудимого Турока, бывшего заместителя начальника железной дороги имени Кагановича. Отвечая на вопросы тов. Вышинского, Турок перечисляет акты своей вредительской деятельности на транспорте, факты крушений поездов и тоже с человеческими жертвами. Он подтверждает шпионскую деятельность в пользу японской разведки, от которой получил 35.000 рублей.

Последним на утреннем заседании допрашивается подсудимый Ратайчак. Государственный обвинитель ставит перед ним ряд вопросов из его биографии, и сразу же выясняется фамилия Ратайчака—это авантюрист и наглый обманщик. Ратайчак—немец, но он хочет, якобы, обмануть царское правительство и называет себя поляком. При советской власти, пробираясь в партию, он также именует себя поляком. Для чего он это делает? Так, „без всякой низкой цели,“—отвечает подсудимый. И здесь он тоже нагло обманывает. Дальнейший допрос показывает, что Ратайчак приписал себе революционные заслуги, участие, якобы, в Германии в 1913 году в забастовочном движении, революционную агитацию в лагерях военнопленных и т. д. На вопросы государственного обвинителя Ратайчак признает, что он во всем этом лгал.

Ратайчак подтверждает, что он был связан с германской разведкой и лично и через обвиняемых Граше и Пушина передавал ей шпионские сведения о состоянии химической промышленности и производил подрывные акты на хими-

(Продолжение на 3-й стр.)

Процесс антисоветского троцкистского центра

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ческих заводах. Он подтверждает, что по его указанию произведены аварии на Горловском и Невском заводах и Воскресенском химкомбинате. При авариях погибло несколько рабочих—лучших ударников, стахановцев.

Вышинский: Вредительство есть, шпионаж есть?

Ратайчак: Есть.

Вышинский: Диверсия есть?

Ратайчак: Есть.

Вышинский: Рабочие погубили?

Ратайчак: Да.

Вышинский: Кто убил?

Ратайчак: Я...

Таков он—сообщник Троцкого, Пятакова, Радека и других главарей контрреволюции, таков он—бандит, подлая гадина, пробравшаяся на высокий пост начальника Главного управления химической промышленно-

сти! Таковы они все—злые фашистские псы, гнусные изменники, реставраторы капитализма!

Еще характерная черта их черных преступлений. Разрушая транспорт, предприятия, совершая диверсии, они сваливали эти злодеяния на честных людей, людей, ни в чем неповинных. Так, вину за одно из организованных им многих крушений поездов Князев, используя положение начальника дороги, свалил на ни в чем неповинного машиниста Федорова, Турок за свои преступления посадил на скамью подсудимых стрелочницу Заякину.

После допроса подсудимого Ратайчака тов. Вышинский пред'являет вопросы эксперту тов. Моносович по поводу диверсионных актов на химических заводах.

шпион, Граше оказался для троцкистов совершенно подходящим человеком, незаменимым „специалистом“. Ратайчак устраивает Граше в качестве заведующего иностранным отделом Главхимпрома. Граше связывает Пятакова и Ратайчака с иностранными агентами покрупнее, служит посредником между антисоветским троцкистским центром и импортными троцкистскими гастролерами, вроде датского троцкиста Винфельда.

Граше пред'является серия фотографических карточек, и он опознает на них своих коллег из германской разведки—Мейеровитца и Ленца, монтера фирмы „Линде“, с которыми он был связан по шпионской работе.

Начинается допрос обвиняемого Пушина. Он сообщает суду, что непосредственно организовал по указанию Ратайчака три диверсионных акта на Горловском азотно-туковом заводе, передал агенту германской разведки Ленцу три секретных документа, принимал участие во вредительской работе по проектированию, завербовал в подпольную троцкистскую организацию трех человек.

Пушин пытается уверить Верховный суд, что в нем еще до ареста произошел внутренний перелом, что он понял всю преступность своей подрывной работы. Никаких объективных доказательств в подтверждение своего утверждения обвиняемый привести, однако, не может.

Свидетель Тамм показывает Верховному суду, что по поручению Пушина он провел на Горловском азотно-туковом заводе ряд диверсионных актов.

По просьбе государственного обвинителя тов. Вышинского к делу приобщается справка НКВД, в которой на основании официальных данных норвежских властей устанавливается, что аэродром Селере вблизи Осло принимает самолеты всех стран круглый год и что прилет и отлет аэроплана возможны в зимние месяцы.

Отвечая на вопрос тов. Вышинского, подсудимый Радек сообщает дополнительные данные о своих переговорах с представителями одной средне-европейской державы. Летом 1935 года Радека посетил на даче дипломатический представитель этой страны, тот самый, который вел с ним переговоры в 1934 году на дипломатическом приеме. Его сопровождали профессор Кенигсбергского университета и советник руководителя одной из провинций средне-европейской державы. У Радека на

даче находился в это время Бухарин.

Дипломатический представитель сделал попытку возобновить с Радеком переговоры. Однако, Радек, по его словам, имея в виду решение троцкистского центра ограничиться „визой на мандате Троцкого“, от переговоров уклонился. В ноябре 1935 года военный представитель все того же государства на дипломатическом приеме подошел к Радеку и начал жаловаться на полное изменение отношений между его страной и СССР. Он сказал при этом, что Троцкий остался верен своим старым взглядам на необходимость дружбы между обеими странами. Радек показывает, что он ответил: „Реальные политики в СССР понимают значение этой дружбы и готовы идти на уступки, необходимые для обеспечения ее“.

Далее подсудимый Радек уточняет информацию, которую он получил от Пятакова, о беседе последнего с Троцким в Норвегии. Троцкий тогда, на основании своих переговоров с Гессом и другими видными германскими фашистскими руководителями, указывал, что Германия закончила уже к началу 1936 года военную подготовку для нападения на СССР. Ей нужен еще год дипломатической подготовки этого нападения, которая сводится, главным образом, к обес-

печению нейтралитета Англии и Франции. Если же обеспечить французский нейтралитет не удастся, германские фашисты, используя французских фашистов, попытаются „коротким ударом“ вывести Францию из строя, а потом концентрированным сильным ударом на СССР „справятся с русской задачей“.

Пятаков подтверждает: — Радек очень точно передает.

После перерыва суд заслушивает заключение экспертов.

Эксперты гг. Моносович, Лекус и Покровский дают подробные ответы на поставленные им Верховным судом вопросы. В результате тщательного технического анализа многочисленных взрывов, пожаров, всякого рода иных аварий, имевших место на Горловском азотно-туковом заводе, в шахтах Прокопьевского рудоуправления, на Кемеровском комбинатстрое и на Кемеровской ГРЭС, экспертиза устанавливает, что все эти аварии были результатом злого умысла.

На основании статьи 19-й Уголовно-процессуального Кодекса тов. Ульрих объявляет, что дальнейшая часть сегодняшнего вечернего заседания будет проходить при закрытых дверях.

В 11 часов вечера началось закрытое заседание суда.

Закрытое судебное заседание

Вечером 27 января, после окончания открытого судебного заседания, состоялось закрытое заседание Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР.

На этом заседании эксперты гг. Лекус и Покровский изложили свое заключение по утвержденным судом вопросам, не подлежащим обсуждению в открытом судебном заседании.

Далее свидетель Штейн дал показание о своих связях с официальным представителем одного из иностранных государств.

Подсудимые Пятаков, Сокольников, Радек были допрошены об их связи с официальными представителями иностранных государств и о переговорах с представителями этих государств в соответствии с установками Троцкого на ускорение войны против СССР, содействие агрессивным иностранным государствам в поражении СССР и расчленение его территории. Допросом подсудимых Радека и Сокольников, а также пред'явлением им соответствующих документов, установлены личности и должностное положение представителей

иностранных государств, с которыми подсудимые Радек и Сокольников вели переговоры.

Допросом подсудимых Ратайчака, Князева, Турока, Граше, Шестова и Строилова установлены конкретные связи их с агентами иностранных разведок по шпионской и диверсионной работе, которая ими велась в СССР как по заданиям этих разведок, так и по заданиям антисоветского троцкистского центра,—на основе установок Троцкого.

Допросом подсудимых, пред'явлением и оглашением соответствующих документов установлены фамилии и должностное положение упоминаемых в обвинительном заключении господина К., господина Х. и других лиц, о котором упоминалось в судебном следствии без оглашения их фамилий.

В том же закрытом судебном заседании подсудимые Пятаков и Ратайчак были допрошены по поводу их преступной вредительской деятельности на предприятиях оборонной промышленности.

(Окончание на 4-й стр.)

Вечернее заседание 27 января

В начале вечернего заседания обвиняемый Ратайчак, отвечая на вопросы защитника тов. Коммодова, подробно рассказывает о том, как он завербовал в троцкистскую организацию обвиняемого Пушина. Выясняется, между прочим, что, когда Пушина во время партийной чистки 1929 года исключили из партии, Ратайчак оказал самое активное содействие его восстановлению.

В Главхимпроме Ратайчак окружил себя своими сообщниками по троцкистскому подполью. И получалось так, что расследование причин аварий, организованных троцкистскими диверсантами, поручалось им же самим. Так, для выяснения всех обстоятельств взрывов на Горловском заводе была организована экспертная комиссия в составе их непосредственного организатора подсудимого Пушина, Юшкевича и Голованова, также, по утверждению Ратайчака, принадлежавших к троцкистской организации.

Подсудимому Ратайчаку пред'являются десять фотокарточек. В одной из них он опознает агента германской разведки Павла Мейеровитца. К делу приобщается вид на жительство для иностранца, выданный инородным административного отдела президиума Мособлисполкома в ноябре 1932 года германскому подданному представителю фирмы „Бомат“ Павлу Мейеровитцу.

Верховный суд переходит к допросу подсудимого Граше. Его показания—колоритнейшая автобиография профессионального шпиона с многолетним стажем. В 1909 году Граше приезжает в Россию из Австро-Венгрии

и поселяется в городе Ейске, Кубанской области. В 1917 году он принимает российское гражданство. Спустя два года Граше, однако, объявляет себя гражданином Чехо-Словацкой республики и уезжает туда. В 1920 году Граше уже опять в СССР, куда возвращается по подложному документу русского военнопленного, в качестве агента чехословацкой контрразведки. В 1921 году в Москве грязный авантюрист обманым путем указал, что он родился на Кубани, становится советским гражданином. И в то же время бережно хранит документы, выданные ему сначала австро-венгерскими, а потом чехо-словацкими властями. У Граше 3 паспорта и 3 легальные профессии. Он себя называет то учителем, то журналистом, то экономистом. На прямо поставленный государственным обвинителем т. Вышинским вопрос, какая же у него основная профессия, Граше отвечает:

— Шпион.

Этот профессиональный шпионаж обстоятельно показывает Верховному суду о всех деталях работы, которую он выполнял. Граше и не пытается маскироваться какими-нибудь идейными мотивами. Он прямо заявляет, что встал в троцкистскую организацию в порядке выполнения заданий германской разведки, в которой работает с 1932 года.

— Мне, как шпиону,—заявляет Граше,—не полагается иметь убеждений.

Профессиональный шпион охотно и подробно показывает, когда, сколько и от кого получил он денег за свою работу и какие задания выполнял. Опытный

Процесс антисоветского троцкистского центра

(ОКОНЧАНИЕ)

На вечернем заседании 28 января, на утреннем 29 января состоялись прения сторон. С обвинительной речью выступил государственный обвинитель—прокурор СССР тов. Вышинский. После речи т. Вышинского председательствующий тов. Ульрих опрашивает каждого из подсудимых—Пятакова, Радека, Сокольников, Богуславского, Дробниса, Муралова, Норкина, Шестова, Строилова, Лившица, Серебрякова, Ратайчака, Граше и Турока — желают ли они воспользоваться правом произнести защитительную речь. Обвиняемые от защитительной речи отказываются.

С речью выступил защитник подсудимого Князева т. Брауде. Не отрицая вины своего подзащитного в том объеме, как это было пред'явлено государственным обвинителем, т. Брауде отмечает, что Князева вовлек в троцкистскую организацию Турок, угрожая Князеву выдачей суду, как скрытого троцкиста. Таким же методом Князев был завербован японской разведкой. Защитник просит суд учесть это обстоятельство.

Защитник подсудимого Арнольда т. Казначеев соглашается с выводами государственного обвинителя о тяжести преступлений Арнольда. Одновременно он обращает внимание суда как на обстоятельство, смягчающее вину подсудимого Арнольда, на то, что Арнольд вступил в троцкистскую организацию под влиянием угроз Шестова и был только исполнителем этой организации.

В защиту подсудимого Пушина т. Коммодов приводит тот довод, что Пушин не играл в контрреволюционной организации руководящей роли и не знал о существовании „параллельного центра“ и что он через несколько часов после ареста написал собственноручно подробное письмо о своих преступлениях.

После этого суд выслушал последние слова обвиняемых.

Обвиняемый Пятаков, признавая правоту государственного обвинения в смысле установления фактов квалификации его преступлений, не соглашается с утверждением государственного обвинителя, что он и по сей день остается троцкистом.

— Да, — говорит Пятаков, — я был троцкистом в течение многих лет, рука об руку я шел вместе с троцкистами. Но ведь единственным мотивом, который побудил меня дать те показания, которые я давал, было желание, хотя бы сей-

час, хотя бы слишком поздно, избавиться от своего отвратительного троцкистского прошлого.

— Я только глубоко сожалею, — заканчивает свое последнее слово Пятаков, — что вместе с нами на скамье подсудимых не сидит основной преступник, каким является Троцкий. Я слишком остро сознаю свои преступления и не смею просить у вас снисхождения. Я не решаюсь просить у вас даже пощады.

— Нет таких аргументов, — начинает свое последнее слово обвиняемый Радек, — которыми взрослый человек, не лишенный сознательности, мог бы защитить измену родине. На смягчающие вину обстоятельства претендовать тоже не могу. Я пошел в троцкистскую организацию не во имя теориейки Троцкого, гниль которой я понял давно, и не во имя признания его авторитета вождя, а потому, что другой группы, на которую я мог опереться в тех политических целях, которые я себе ставил, не было, а с этой группой я был связан в прошлом и поэтому я с ней и пошел.

Далее Радек ставит вопрос: не осталось ли еще что-нибудь скрытого. И дает на этот вопрос ответ, что Троцкий пытается, помимо кадров, прошедших его школу, создавать контрреволюционные организации из агентуры, прошедшей школу германского фашизма. Останавливаясь на причинах своего отказа давать показания о Бухарине, Радек объясняет это своей давнишней дружбой с Бухариным. Я также, как и в отношении остальных наших кадров, хотел, чтобы Бухарин сам мог сложить оружие. В заключение Радек говорит: „Мы будем отвечать по всей строгости советского закона, считая, что ваш приговор будет справедливым. Тем элементам, которые с нами были связаны, мы хотим сказать:

— Первое—троцкистская организация стала центром всех контрреволюционных сил; правая организация, которая с ней связалась и была на пути слияния, точно также является центром всех контрреволюционных сил в стране. С этими террористическими организациями государственная власть справится. В этом мы не имеем, на основе собственного опыта, никакого сомнения. Но есть в стране часть террористов, которые нам помогали, не зная террористической организации, а симпатизируя

нам, люди, которые из-за либерализма давали эту по мощь. Всем этим элементам перед лицом суда мы говорим: кто имеет малейшую трещину в отношениях к партии, пусть знает, что завтра он может быть диверсантом, может быть предателем, если эта трещина не будет старательно до конца заделана откровенностью перед партией.

Второе—мы должны сказать троцкистским элементам во Франции, Испании и в других странах: опыт русской революции сказал, что троцкизм — вредитель рабочего движения. Мы должны их предостеречь, что и они будут расплачиваться своими головами, если не будут учиться на нашем опыте.

И, наконец, всему миру, всем, которые борются за мир, мы должны сказать: троцкизм есть орудие поджигателей войны. Сказать это твердым голосом, ибо мы это узнали, мы это выстрадали, нам было не слышно тяжело в этом признаваться, но это исторический факт, и за правду этого факта мы уплатим головой.

„Наша программа, — говорит в своем последнем слове подсудимый Сокольников, — антипартийная, антисоциалистическая. То, что здесь говорил государственный обвинитель, это правильно. Наша программа была антинародной. Мы не могли опереться на массы кроме заговора, другого оружия у нас не оказалось в руках. Но и для заговора—то у нас своих собственных средств не оказалось достаточно, и мы должны были искать силы, союзников вне нашей организации и вне нашей страны. Так мы от заговора перешли к авантюрам и от авантюры немедленно попали в фашистскую волчью яму. Я высказываю свою надежду на то, что не найдется больше ни одной руки в советской стране, которая попробовала бы взяться за древко троцкистского знамени. Я думаю, что и в других странах троцкизм разоблачен этим процессом, сам Троцкий разоблачен, как союзник капитализма, как подлейший агент фашизма, как поджигатель мировой войны, которого везде будут ненавидеть и преследовать миллионы“. Сокольников просит в заключение своего слова о снисхождении.

Подсудимый Серебряков, признавая целиком и полностью свои тягчайшие преступления против страны Советов, объясняет их

тем, что, совершив в свое время политическую ошибку и проявив упорство, он докатился до тягчайших преступлений. Серебряков просит суд поверить в искренность его показаний на следствии и на суде и учесть это в решении суда.

— Я сегодня, — говорит подсудимый Богуславский, — стою перед вами, как государственный преступник, предатель, изменник. Доверие к авторитетам, упорство в своих ошибках и система обмана, — вот три причины, которые, по его словам, привели его к глубокому и окончательному падению. Богуславский просит суд дать ему возможность заглянуть те преступления, которые он совершил перед страной, перед рабочим классом.

Подсудимый Дробнис, признавая, что он является самым злейшим врагом и предателем рабочего класса, просит суд поверить ему, что сейчас он вынул из всех закаулков гнилой и смрадный троцкизм и поэтому он просит снисхождения.

„Свыше десяти лет, — говорит в своем последнем слове обвиняемый Муралов, — я был верным солдатом Троцкого, этого злодея рабочего движения, этого достойного всякого презрения агента фашистов, врага рабочего класса и Со-

ветского Союза. Мои честосердечные показания я прошу учесть при вынесении мне того или иного приговора“.

Подсудимый Лившиц в своем последнем слове говорит, что, несмотря на исключительное доверие к нему партии и правительства, которые доверили ему высокий пост заместителя наркома путей сообщения СССР, он этого доверия не оправдал и стал на путь предательства и измены.

Лившиц просит суд учесть, что он не всегда был предателем и считает себя еще способным к честной работе.

Подсудимый Шестов, признавая всю тяжесть совершенных им преступлений, заявляет: „Я знал, на что шел, я знал, куда я иду, знал, что меня ожидает. Я хочу одного: смыть свою кровью пятно изменника“.

Подсудимые Норкин, Строилов, Князев, Арнольд, Турок, Ратайчак, Граше и Пушин, признавая правильной квалификацию их преступлений, как тягчайших и чудовищных, просят суд о снисхождении.

В 19 часов 15 минут суд удаляется на совещание.

В 3 часа 30 января председательствующий тов. Ульрих оглашает приговор. (ТАСС).

ДОБЫЧА УГЛЯ

за 1 февраля

Шахты	Факт.	Процент выполнения	Прозв. на групп. дач.	Уход осн. штреков		
				План	Факт.	Проц. вып.
№ 1-2	1652	90,6	4,01	10		
№ 3	1142	84,3	3,61	18		
№ 4	1040	85,5	3,50	6,40		
Шт. № 10	468	70,8	2,77	4,80		
№ 5	846	86,3	4	9,10		
Всего	5148	85,2	3,66	48,3		
Механиз.	5148	85,2				
Марки „К“	929					
Отгружен	1192	15,2				

Зам. редактора С. А. КОЛЕСНИКОВ.

Центральный клуб угольщиков

Премьера **3 февраля 4** Арбузов

Дальняя дорога

Комедия в 3 действиях 5 картинах в постановке драмколлектива клуба угольщиков.

Постановка **Исакова**. Декоративное оформление **Бражникова**. Музыкальное оформление — **Самойлов, Мелкозеров**. Начало в 9 час. веч. Касса с 5 час.